

Робин Теобальд

ПАТРИМОНИАЛИЗМ¹

1. ВВЕДЕНИЕ

В 1968 году Гюнтер Рот написал статью в журнал «Уорлд политикс», в которой он критиковал неразборчивое использование понятия «харизма», особенно в отношении изучения политических изменений в развивающихся странах. Как представлялось Роту, политическое развитие новых государств осмысливалось в это время преимущественно в терминах дихотомии между харизмой и рационально-легальной бюрократией. Как следствие недостаточно использовалась веберовская более широкая типология типов господства (*Herrschaft*), особенно — его концепция неопатримониального господства.²

Возможно, что именно в качестве результата заданного Г. Ротом и другими исследователями направления анализа в 1970-е годы произошел всплеск интереса к патримониализму; ученые обратились к этому понятию в самых разнообразных попытках объяснить механизмы как национальной интеграции, так и массовой мобилизации. Нередко патримониализм связывался или трактовался как синоним патрон-клиентарных отношений. Некоторые авторы даже основывали свой анализ политических изменений в той или иной отдельной стране или регионе преимущественно на основе понятия патримониализма.³

1. Robin Theobald, «Patrimonialism,» *World Politics* 34:4 (1982), pp. 548–559.
Эта статья основывается на докладе, сделанном на заседании группы по изучению политических изменений и недоразвитости (исследовательской группы, действующей под наблюдением британской Ассоциации политических исследований) в Лондонском университете в январе 1981 года. Автор желает выразить благодарность всем участникам этого заседания за сделанные замечания и подчеркнуть, что ответственность за идеи, высказанные в докладе и статье, лежит полностью на авторе.
2. Guenther Roth, “Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire-building in the New States”, *World Politics*, xx, (January 1968), 194–206.
3. См., например: James A. Brill and Carl Leiden, *The Middle East: Politics and Power* (Boston: Allyn and Bacon, 1974), особенно гл. 4; Riordan Roett, *Brazil: Politics in a Patrimonial Society* (Boston: Allyn and Bacon, 1972); Jean-Claude Willame, *Patrimonialism and Political Change in Congo* (Stanford, Calif., Stanford University Press, 1972).

Сейчас, когда этот термин широко используется как политологами, так и социологами, и применяется ими в широком наборе ситуаций, возможно, пришло время критического взгляда на все это и ответа на вопрос, что, собственно, в точности патримониализм означает и что он, если хотите, объясняет. Посредством краткого обзора соответствующей литературы я попытаюсь приблизиться к ответу на эти вопросы и попытаюсь оценить аналитическую полезность патримониализма.

2. ПАТРИМОНИАЛИЗМ: НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Г. Рот предположил, что досовременные формы социальной организации могут сохраняться в современную эпоху, даже если традиционалистская легитимность, которая поддерживала ее, находится в процессе распада. Патримониализм является одной из таких форм, и Г. Рот различает два его базовых типа. Первый из них может быть обнаружен в тех все более и более редких режимах, в которых легитимность все еще основывается преимущественно на традиционных мотивах; он рассматривает предреволюционную Эфиопию как один из примеров этой умирающей формы. Второй, более распространенный тип патримониализма, который Г. Рот называет «личным правлением», не требует какой-либо веры в персональные качества правителя или лидера, но основывается преимущественно на материальных стимулах и вознаграждениях. Личное правление обычно записывают в категорию, выражаемую понятиями «клики», «машины» и «фракции», — этим подразумевается, что она не обязательно исчезает в современных индустриальных обществах. В США, хотя фактически и исчезли, старые политические машины, однако отдельные элементы личного правления сохранились. За сомнительной харизмой Дж. Кеннеди, к примеру, находился организационный аппарат, который, по Г. Роту, имел отчетливый патримониальный привкус. Далеко не будучи исчезающим феноменом, эта современная форма патримониализма поддерживалась расширением активности государства как в капиталистических, так и в социалистических индустриальных обществах. Среди чиновников все более возрастающего числа полугосударственных органов и корпораций в США и Западной Европе патримониализм подразумевает доступ к различным дополнительным привилегиям и благам: расходным счетам, особому жилью, билетам первого класса; все это также сопровождается частичным вытеснением универалистских критериев кадрового набора.

В развивающемся мире личное правление является, возможно, господствующей формой управления государством. Тайская бюрократия, пронизанная сетями отношений, которые основаны на обмене материальных и других вознаграждений, и рассматриваемая Э. Шором в качестве примера отклонения от нормы,⁴ отнюдь не является для Г. Рота чем-то ненор-

4. См.: Edgar Shor, "The Thai Bureaucracy", *Administrative Science Quarterly*, v (June 1960), 66–86.

мальным. Фактически некоторые из новых государств, собственно говоря, не являются государствами в собственном смысле; скорее, они являются в действительности «частными инструментами» тех, кто обладает достаточной мощностью править. Главная причина сохранения личного правления в развивающемся мире — это, по мнению Г. Рота, культурная и политическая гетерогенность новых государств, которая противостоит правительственным целям сплава различных социальных единиц в одну нацию. Г. Рот высказывает предположение, что бюрократия, действующая на патримониальных основаниях, может быть более совместимой с задачами национального строительства (или является более приемлемой — учитывая степень разнообразия некоторых из этих государств — целям построения империй).

Г. Хигер приписывает патримониализму главную интегративную роль в тех новых государствах, в которых политический центр стремится быть организованным вокруг раздела «выгодных благ» в виде должностей, экономической помощи, займов, правовых привилегий и т. д.⁵ Обычно эти блага идут лидерам разнообразных групп и фракций, которые передают такие ресурсы своим последователям для сохранения их поддержки. Пример такого типа связи особенно хорошо виден в Марокко, где политическая система разделена на множество примордиальных групп и фракций интересов. Король Хасан II использует свою фактическую монополию на главные политические назначения для стравливания одной группы с другой, сегодня вознаграждая одну фракцию, завтра другую; эта искусная политическая игра имеет своей основной целью предотвратить возникновение серьезной оппозиции королевскому двору. Однако, как и Г. Рот, Г. Хигер указывает на то, что патримониальная модель элитной интеграции никоим образом не ограничена пределами традиционных режимов, подобных королевству Марокко. Другие лидеры Третьего мира, такие как Нкрума, Сенгор, Секу Туре, Бургиба и Уфуе-Буаньи, также стремились стабилизировать свое правление через сеть «патримониальных вассалов».

И для Г. Рота, и для Г. Хигера патримониализм характеризуется бюрократией, которая пронизана личными отношениями клиентарного типа. В этом состоит, по существу, и позиция К. Легг и Р. Лемаршана, различающих феодальную и патримониальную клиентарную систему. Последний вариант, в отличие от феодализма, функционирует через администрацию, должностные лица которой лично назначаются правителем. Патримониальная система отличается от феодальной еще и тем, что при феодализме связь между господином и вассалом является как выражением, так и причиной политических отношений. К. Легг и Р. Лемаршан делают вывод о том, что патримониальные отношения сравнительно менее персонализированы и поэтому менее надежны, чем те, что возникают вокруг взаимных феодальных обязательств.⁶

5. Gerald Heeger, *The Politics of Underdevelopment* (London: Macmillan, 1974), особенно гл. 3.

6. Rene Lemarchand and Keith Legg, "Political Clientelism and Development: A Preliminary Analysis", *Comparative Politics*, IV (No. 2, 1972), 149–178.

К. Легг и Р. Лемаршан первоначально различали две формы патримониализма: традиционный вариант, в котором клиентарные отношения пронизывают всю политическую систему в целом, и модернизированный вариант, в котором патримониальные черты сосуществуют с зарождающимися рационально-легальными тенденциями — тенденциями, которые могут быть обнаружены в более мобилизованных секторах обсуждаемых обществ. Однако авторы также говорят об «индустриальной клиентарной системе», они признают, что в действительности нельзя утверждать, что в современных индустриальных обществах политика в точности соответствует идеалу рационально-легальных бюрократий. В США все еще существуют «политические машины», в других индустриальных обществах, как капиталистических, так и социалистических, семейные взаимоотношения и другие личные связи все еще продолжают быть важным фактором политического рекрутирования и сплочения элит. Однако из их рассуждений не вполне понятно, чем индустриальные общества с их остаточным клиентелизмом отличаются от «модернизированных патримониальных» режимов, в которых клиентелизм также сосуществует с отношениями рационально-легального типа? По этому поводу К. Легг и Р. Лемаршан готовы предположить, что достигнутое изобилие и широкие возможности достаточно ослабили воздействие экономического фактора, чтобы сделать персонализированные политические взаимоотношения излишними для основной массы людей индустриальных государств. Личные связи существенны лишь для незначительного меньшинства, выбирающего карьеру в сфере политики.

Сосуществование современного и патримониального сектора является центральной темой исследования политического процесса в Бразилии Р. Рюэттом. Он понимает патримониализм как в высшей степени гибкий и патерналистский общественный порядок, основанный на обмене расположением и покровительством, особенно в сфере государственной службы, где данные средства используются бразильской элитой как средство кооптации и контроля. Тема политического контроля является центральной для анализа Р. Рюэтта: он хочет показать, как после обретения независимости небольшое меньшинство удерживало под своей властью бразильское общество даже в течение так называемого демократического периода 1946–1964 годов. Согласно Р. Рюэтту, сохранение патримониальной системы становилось возможной не только благодаря и посредством контроля элиты над соответствующим распределением благ и постов, но также и в силу фрагментации потенциальной оппозиции режиму. Эта фрагментация является следствием величины и гетерогенности Бразилии, усиливаемой политической пассивностью масс. Однако в тех частях Бразилии — прежде всего, в Центральном-южном регионе, — где существуют высокий уровень урбанизации со всеми вытекающими из нее последствиями в виде концентрации населения, высокого уровня грамотности и т. д., патримониальный режим иногда встречал сопротивление со стороны масс. Соответственно, патримониализм в Бразилии должен периодически поддерживаться военным авторитаризмом. Далее, с точки зрения Р. Рюэтта, патримониализм

и «современность» в действительности не сосуществуют, они находятся в состоянии напряжения.

3. НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Вполне очевидно, что авторы, обсуждаемые в этом кратком обзоре, усматривают сущностную особенность патримониальных режимов именно в обмене ресурсов (должностей, возможностей, титулов, контрактов, лицензий, иммунитета от закона и т. д.) между ключевыми фигурами в правительстве и стратегически расположенными индивидами: профсоюзными лидерами, бизнесменами, региональными руководителями и т. д. В обмен на эти ресурсы правительство или главы государств получают экономическую и политическую поддержку. Акцент ими делается именно на персональной природе этого обмена: практически во всех анализах, которые прибегали к этому понятию, явно или неявно сквозит знакомство с моделью патрон-клиентарных отношений.

Здесь мы не будем вступать в длительную дискуссию о самом понятии патрон-клиентарных отношений.⁷ Однако мы должны подчеркнуть, что чем более партии приближаются друг к другу в границах своих соответствующих классовых и статусных позиций, тем менее различимыми эти отношения становятся. Иными словами, хотя в племенных и крестьянских обществах явно выраженные клиентарные отношения идентифицируются быстро, в более открытых и более эгалитарных социальных формах крайне трудно сказать, где заканчивается клиентелизм и начинается взаимобмен, пронизывающий социальную жизнь как таковую. С патримониализмом ситуация такая же: в условиях отсутствия ярко выраженных социальных различий между партиями — и нет автора, который, используя этот термин, пытался бы последовательно показать, что такие различия существуют, — понятие патримониализма утрачивает свою специфику.

Л. Рудольф и С. Рудольф недавно уже выдвинули идею о том, что патримониализм не только может быть найден во *всех* бюрократиях, но и — в силу того, что он обеспечивает важный противовес потенциально отчуждающему воздействию бюрократической рациональности, — является необходимым условием для их эффективного функционирования. Если это так, то что есть собственно «патримониальное» общество? Ответ, который выдвигается в литературе, состоит в том, что *государственные устройства Третьего мира являются патримониальными в том смысле, что они в большей степени, чем другие, пронизываются патримониальными отношениями*. По мере развития этих обществ они постепенно сменяются «современным» типом отношений — рационально-легальными или горизонтальными объединениями классового типа. В ответ на эту точку зрения можно выдвинуть критические

7. Отличное критическое обозрение употребления понятия «патрон-клиентных» отношений см.: Robert R. Kaufman, "The Patron-Client Concept and Macro-Politics: Prospects and Problems", *Comparative Studies in Society and History*, XIV (July 1974), 254–308.

замечания, аналогичные тем, которые были направлены против глашатаев концепции [модернизации как] непрерывного движения «от традиционного к современному» 1950-х и ранних 1960-х годов. Персонализм, будучи далеким от выхода из употребления (и превращения в «традицию»), упрямо продолжал сохраняться в водоворотах бюрократической рациональности. И правильно ли говорить, как пытались доказать К. Легг и Р. Лемаршан, что патримониализм становится неким «остаточным» феноменом в индустриальных обществах, затрагивающим только небольшое меньшинство тех, кто делает карьеру в политике? Как эта позиция согласовывается с той, что была выдвинута Рудольфами (и подтверждена многими исследованиями в организационной социологии) — особенно в плане того, что фактически все большее число людей в индустриальных обществах вынуждено проводить значительную часть своего дневного существования в бюрократической обстановке? В чем состоит отличие природы отношений между, с одной стороны, корпусом функционеров, связывающих себя и свою карьеру с Робертом Макнамарой или членами «кухонного кабинета» Гарольда Вильсона, и, с другой стороны, небольшим администратором, который на свой страх и риск помогает одному из своих начальников в тупиковой ситуации на заседании правления, или мастером участка, который «закрывает глаза» на правила безопасности для того, чтобы помочь начальнику цеха достигнуть запланированного уровня производства? Если это различие заключается в той степени политической власти, которой обладает Роберт Макнамара и Гарольд Вильсон в сравнении с неизвестным младшим администратором и мастером участка, то разветвления в этом пункте — особенно уровня власти, при котором эти отношения могут перестать быть патримониальными, — нуждаются в тщательном изучении.

В модели Рюэтта меньшинство поддерживает свое господство, прежде всего, путем распределения потока ресурсов через стратегически расположенные сети, однако какая степень развития такого рода отношений свойственна особому типу патримониального общества? Правительство в любом обществе вовлечено в той или иной форме в распределение ресурсов. Было бы наивным вообразить, что даже в либерально-демократических обществах этот распределительный процесс всегда проводится в точном соответствии с универсальными или эмоционально-нейтральными критериями, или что он никогда не связан с распределением незаслуженных благ в рамках соответствующего меньшинства, возможности которого ограничиваются только мощью противостоящего сочетания сил. То обстоятельство, что в некоторых обществах почти полная монополия на такие блага находится в руках

ПАТРИМОНИАЛИЗМ СТАНОВИТСЯ В НЕКОТОРОМ РОДЕ ВСЕОХВАТЫВАЮЩИМ ПОНЯТИЕМ, КОТОРОМУ УГРОЖАЕТ УТРАТА СОБСТВЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

или небольшой группы людей, или одного индивида — Насера, Сухарто или Хасана II — объективно делает отличным данный процесс от того, что происходит в либерально-демократических обществах (как — заодно — проще наблюдаемым). Однако существует достаточное сомнение относительно того, возможно ли объяснить или изучить эти различия через простое наклеивание на вышеназванные общества ярлыка «патримониальных». Фактически величайшая трудность с употреблением этого термина состоит в том, что он, скорее, не определяет границы некоего социально-политического явления, а в большей степени стремится проинтерпретировать существенные различия — как внутри какого-нибудь общества на различных этапах времени, так и между обществами, находящимися на разных стадиях социально-экономического развития. Бразилия была патримониальным обществом во времена «Старой Республики» (1889–1930), эпоху Варгаса (1930–1945), в период демократической политики (1946–1964), а также после военного переворота 1964 года. Кроме того, Конго, Египет, Марокко, Индонезия, Таиланд, Мали и множество других государственных образований также являлись в некоторых отношениях патримониальными. Возникает вопрос о том, что есть общего между всеми этими обществами, кроме того, что клиентарные связи играют важную роль в политическом процессе (так же, как и, согласно литературе, обсуждаемой выше, в индустриальных обществах). Другими словами, это показывает, что гибкая приспособляемость, которую Р. Рюэтт усмотрел в институте патримониализма, заложена внутри самого этого понятия. Как его предшественник, харизма, патримониализм используется для объяснения политических взаимосвязей в практически любом типе общества; он становится в некотором роде всеохватывающим понятием, которому угрожает утрата собственной аналитической эффективности.

4. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

«Патримониализм» точно так же, как и понятие «харизмы», может употребляться во множестве значений. И, как и в случае с «харизмой», поучительно обратиться к сочинениям М. Вебера.

Патримониализм является одним из веберовских основных типов традиционного господства; *он происходит от управления хозяйством правителя/вождя, точнее, от выделения слуг/клиентов из домашнего хозяйства господина и предоставления им земельных владений, пожалований, возможностей сбора податей и т. д.* На этой основе возникает одна из форм бюрократической администрации, однако эта администрация отличается от рационально-легальных бюрократий тем, что в ней по преимуществу отсутствуют следующие черты: четко определенные сферы компетенции, которые являются объектом имперсональных правил; рациональное упорядочивание отношений вышестоящих и нижестоящих; формальные системы назначения и продвижения по служебной лестнице на основе свободного контракта; специальная подготовка в качестве необходимого условия; постоянное содержание, выплачиваемое в денежной форме. Вместо твердо установленных сфер

компетенции патримониальная бюрократия характеризуется меняющимся набором поручений и полномочий, предоставленных и дарованных по тому или иному случаю правителем / вождем. При отсутствии же четких сфер компетенции и регулярного фиксированного оклада недвусмысленное разделение между занимающим пост и его должностью вряд ли осуществимо. Соответственно, та или иная степень апроприации должности (служебных функций, обязанностей) является неизбежной; в крайних случаях децентрализованного патримониализма все правительственные полномочия — с соответствующими экономическими правами — могут рассматриваться как частное владение.

Хотя вышеназванные характеристики хорошо известны, связь между патримониальными бюрократиями и возникновением современной бюрократии проводится не всегда. Вебер отмечает, что современные бюрократии основываются на непрерывном притоке доходов для их существования. Следовательно, они требуют стабильной системы налогообложения, и только развитая денежная экономика обеспечивает надежную основу такой системе. Хотя крупные и сложные бюрократии существуют уже и в не- или частично монетаризированных экономиках, институциональная стабильность, которую мы связываем с современными бюрократиями — чиновничество с фиксированным окладом, специальная подготовка и процедурная четкость, — достижима только в развитой денежной экономике. Это означает то, что современные бюрократические структуры являются, как это ясно показал М. Вебер, «везде поздним продуктом исторического развития».

Этот тезис, выдвинутый М. Вебером более полстолетия назад, в разных вариантах повторяется множеством авторов, которые изучали процесс возникновения в Европе современного национального государства и его главного инструмента — современной бюрократии. Сейчас широко признается идея, что консолидация власти современного государства тесно связана с экспансией торговли и распространением капитализма. Прогрессирующая монетаризация европейской экономики упростила для создателей современного государства процесс изымания доходов и помогла усовершенствовать государственный аппарат. Понятно, что дело состояло не только в более эффективном сборе доходов, а в действии целой комбинации факторов — совершенствования системы коммуникаций, транспорта, грамотности, развитии методов учета и т. д., бывших частью чрезвычайно сложного процесса, в ходе которого появилась в конечном счете та современная бюрократия, которую мы знаем сейчас.

Данная позиция достаточно убедительно была развернута В. Ф. Вертхеймом в статье, особенно значимой из-за того, что в ней сопоставляются наблюдения о возникновении современных бюрократий с обсуждением основных особенностей патримониальных бюрократий.⁸ В. Ф. Вертхейм

8. W. F. Wertheim, "Sociological Aspects of Corruption in South Asia", in Arnold J. Heidenheimer, ed., *Political Corruption: Readings in Comparative Analysis* (New Brunswick, N. J.: Transactions books, 1978), 195–291.

находит прототип современной государственной бюрократии в наполеоновских реформах первых лет XIX века. Наполеоновское государственное устройство, хотя и заимствовало некоторые элементы из революционного законодательства эпохи Французской революции и из прусского опыта, было, по В. Ф. Вертхейму, первым, которое законодательно установило ее главные составляющие. Последние, соответственно, были включены в веберовский идеальный тип рационально-легальной бюрократии, в рамках которой в конце концов была выработана модель профессионального гражданского служащего. Такое должностное лицо нанимается, как правило, на всю жизнь; оно вознаграждается фиксированным денежным окладом; имеет право на пенсию и может рассчитывать на стабильные ступени карьеры и перспективы продвижения по ним в соответствии с установленными критериями. В. Ф. Вертхейм повторяет вывод М. Вебера о том, что такой тип бюрократии является результатом недавнего исторического развития.

Современные бюрократии противопоставляются далее В. Ф. Вертхеймом бюрократиям досовременных империй (что опять-таки первоначально было предложено Вебером). В преимущественно бартерных экономиках должностные лица вознаграждались не в денежной форме, а через долю в тех «дарах земли», которые они получали в виде дани, подношений и «подарков», взимаемых с крестьянского населения. Внутренние центробежные тенденции такой системы были быстро выявлены уже М. Вебером, который отметил, что даже в имперском Китае с его относительно передовой бюрократией центральное правительство сталкивалось с существенными трудностями в увеличении объема дани, которое оно было в состоянии взимать на периферии.

В. Ф. Вертхейм ссылается на данные, относящиеся к деятельности голландской Ост-Индской компании на Яве в XVIII столетии. Будучи формально коммерческой организацией, данная компания функционировала, скорее, на манер преимущественно патримониального государства. Ее служащим выплачивалось жалованье, которое, ввиду своей существенной скудности, имело не более чем символическое значение. Соответственно, для восполнения этого условного подобия какого-то дохода распространилась практика вымогательства и поборов, которым должно было подвергаться местное население. К концу XVIII столетия подобные дополнения к доходу рассматривались до такой степени само собой разумеющимися, что вместо официального получения жалованья от компании, служащие выплачивали компании ежегодный «должностной сбор», аналогичный тому, который они сами получали от своих представителей на местах.

В. Ф. Вертхейм специально интересуется деятельностью одного особенно служащего компании, Дирка ван Хагендорпа, который рассматривается им в качестве переходной фигуры. Хотя первоначально он воспринимал такие дополнительные приработки к основной службе без особых сомнений, ван Хагендорп со временем кардинально переосмыслил [устоявшуюся практику]: он стал рассматривать эти поборы в качестве злоупотребления и выступил с их публичным осуждением. В. Ф. Вертхейм четко показывает,

что хотя такие требования реформ должны были появиться сначала индивидуальным образом от борцов, подобных ван Хагендорпу, широкое распространение бюрократического профессионализма становилось результатом только развития передовой экономической структуры, которая могла бы стать основанием необходимой институциональной стабильности.

Патримониальная бюрократия, таким образом, является инструментом управления в неразвитых экономиках, то есть экономиках преимущественно аграрного типа с ограниченными торговыми обменами и преобладанием производства первичных средств существования. В такой экономике ограниченное проникновение коммерческих операций рыночного типа образует серьезное препятствие для апроприации ресурсов со стороны центра и, соответственно, для развития эффективной «современной» администрации. Персонализм, который большинством авторов фиксируется в качестве основной особенности патримониальных бюрократий, является, в соответствии с данной точкой зрения, в действительности лишь симптомом более фундаментальных структурных условий. Иными словами, патримониальные бюрократии скрепляются — в той степени, настолько они действительно способны на это, — прежде всего персональными связями именно из-за отсутствия или непрочности других интегративных механизмов — наиболее важным из них является постоянная структура карьерного продвижения по служебной лестнице и все то, что она подразумевает.

5. ВЫВОДЫ

Отнюдь не случайным является то, что многие современные общества, которые классифицируются в качестве «патримониальных», в различной степени демонстрируют характеристики досовременных империй, описанные Вебером и другими исследователями: это разьединенные экономики со значительными не монетаризированными секторами, неразвитыми системами коммуникаций, низким уровнем грамотности и общим недостатком ресурсов, включая квалифицированную рабочую силу. Также важно и то, что существенные сферы экономик стран Третьего мира находятся вне досягаемости официальной системы налогообложения. Сбор налогов в сельскохозяйственном секторе производства первичных средств существования затруднен и вызывает возмущение среди беднейших слоев населения; отсутствие бухгалтерской системы отчетности выступает серьезной помехой для увеличения налоговых сборов от мелких торговцев и ремесленников. Крупные собственники всегда в состоянии уйти от налогообложения в силу их экономического и политического веса. Страны Третьего мира, таким образом, попадают в порочный круг недоразвитости: их способность апроприировать ресурсы серьезно затрудняется административной слабостью; их слабость, в свою очередь, увековечивает их ограниченную способность к такой апроприации. Эта дилемма удачно продемонстрирована Г. Биененом: «Даже в бедных странах, где существующая промышленность может быть национализированной, крупнейшая часть ВВП обычно идет

из сельскохозяйственного сектора. Возможно, четверть или более четверти общего ВВП вырабатывается в аграрном секторе производства основных средств существования. Слабые административные структуры обнаруживают трудности в налогообложении и контроле сельских доходов. Поэтому данные административные структуры обнаруживают сложности в своем собственном системном укреплении путем апроприации национальных ресурсов, которые могли бы быть использованы для дальнейшего развития управления».⁹

Если принять тот факт, что существуют важные связи между феноменом патримониализма и широким количеством социально-экономических факторов, то было бы полезным соотнести специфические примеры патримониализма с этими контекстуальными переменными. Предварительно выделим три набора переменных, которые имеют отношение к этой проблеме. Первые два касаются общей экономической и политической характеристики рассматриваемой страны. Примерами экономических факторов могут выступать размер и состав ВВП, характер торговли и производства, размер сектора производства основных средств существования, степень внутренней экономической интеграции, потенциал налогообложения, размер и распределение госбюджета. Внутренние политические факторы могут включать историческую эволюцию и характер государственной структуры, роль колониализма в этой эволюции, степень внутренней политической интеграции (заявленная в ротовской идее «империи») и общую природу отношений между политическим руководством и администрацией. Третий набор переменных должен состоять из характеристик отдельных бюрократий (хотя в отношении к любой отдельной стране это неизбежно упрощает обсуждение именно данной бюрократии). Те, кто хотел бы использовать и далее понятие патримониализма, должен обратиться к значительной литературе по становлению администрации, которая сама по себе касается таких сфер, как рекрутационная политика, процедуры подготовки, строение жалованья, способы продвижения по служебной лестнице, а также другие жизненные особенности бюрократии Третьего мира.

Учет этих и других переменных мог бы способствовать не только *объяснению* того, почему патримониализм существует (что дало бы возможность продвинуться дальше его простого описания), но также помогло бы дифференцировать различные типы бюрократических структур в обществах, которые находятся на разных стадиях социально-экономического развития.

Перевод с английского Александра Фисуна

9. Henry Bienen "The Economic Environment", in Goran Hyden, Robert H. Jackson, and John H. Okumu, eds., *Development Administration: The Kenyan Experience* (Nairobi: Oxford University Press, 1970), 59.